

8. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. – М.: Университетская типография, 1902. – Т. I.
9. Державний архів Одеської області (ДАОО), ф. 37, оп. 1, спр. 98.
10. Там само, спр. 103.
11. ДАДО, ф. 104, оп. 1, спр. 24.
12. Російський державний історичний архів (РДІА), ф. 796, оп. 58, спр. 174.
13. Там само, оп. 62, спр. 522.
14. ДАДО, ф. 106, оп. 1, спр. 3.
15. Російський державний архів давніх актів (РДАДА), ф. 16, оп. 1, спр. 797, ч. 6.
16. ДАДО, ф. 104, оп. 1, спр. 26.
17. ДАОО, ф. 37, оп. 1, спр. 98.
18. ДАДО, ф. 104, оп. 1, спр. 44.
19. Державний архів Херсонської області (ДАХО), ф. 207, оп. 1, спр. 6.
20. Лиман І.І. Духовний суд у справах про перелюб (кінець XVIII – перша пол. XIX ст.) // Південна Україна XVIII – XIX століття: Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету. – Вип. 5. – Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 2000. – С. 242-248.
21. Лопатин В.С. Суворов и Потемкин. – М.: Наука, 1992.
22. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: “Искусство-СПБ”, 1994.
23. РДІА, ф. 796, оп. 59, спр. 142.
24. Там само, спр. 157.
25. Там само, оп. 60, спр. 206 а.
26. Там само, спр. 214.
27. Там само, оп. 62, спр. 603.
28. ДАДО, ф. 104, оп. 1, спр. 38.
29. РДАДА, ф. 10, оп. 3, спр. 589.

А.И. ЛОХМАТОВА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Еще в 1982 г. академик М.В. Нечкина в книге “Функция художественного образа в историческом процессе” отмечала: “Немыслимо изучение исторического процесса без такой мощностной силы, как художественное творчество” [1, с.4]. Меж тем привлечение художественных произведений в качестве исторических источников крайне редко используется историками. И лишь в последнее время в их среде наблюдается значительный интерес к новым проблемам, нетрадиционной тематике исследований, к разработке иных методологических принципов в исследовании прошлого. В частности, историки всерьез занялись поисками гармонии исторического исследования и художественно-исторической прозы, методики научно-исторического анализа художественных произведений и возможности их использования. Подтверждение тому – коллективная работа “История России XIX–XX веков: новые источники понимания” [2] и тематический цикл статей и материалов “История и литература” в журнале “Отечественная история” [3]. В этих публикациях свои взгляды изложили литературоведы, социологи и историки. Размышляя о “родственных связях” истории и литературы, академик Ю.А. Поляков подчеркнул их взаимовлияние: “литераторы должны в своем творчестве опираться на новейшие достижения исторической науки”, они не могут обойтись без научных оценок событий и исторических деятелей. Историку же “полезно учиться у литераторов умению писать живо, интересно, формулировать доступно, правильно и красиво”. А вместе они должны добиваться “повышения исторической грамотности народа” [3, с.4,5]. С.О. Шмидт в статье “Памятники художественной литературы как источник исторических знаний” отметил, что “художественная литература для изучения проблем повседневной жизни и ментальности может рассматриваться как резервуар сведений и об “исторических фактах”, конкретных исторических реалиях, обо всем, что Н.М. Карамзин охарактеризовал как “живые черты време-

ни” [3, с.46]. О смещении акцента познавательной деятельности историка с социально-политического на индивидуально-психологический говорила М.Ф. Румянцева. Это, по ее мнению, свидетельствует о явном сближении между литературой и историей, что, однако, не исключает суверенности последней и никоим образом не должно сказаться на ее функциях формирования и хранения социальной памяти. И.Л. Беленький подчеркнул многофункциональность художественной литературы, выступающей и как исторический источник, и как художественная историософия, и как художественно-историческое исследование. Литература сама является “идеальным историком”, позиция которого воплощается во взглядах автора, рассказчика-повествователя, главного героя. Эту же мысль развил Ю.В. Никуличев. Размышляя над проблемой “время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX в.”, он подчеркнул, что все литературные тексты – от творений великих мастеров до полузабытых авторов – следует рассматривать в качестве исторического источника. Литература исторична уже в силу того, что “она есть выражение духовной истории страны”, где главная роль принадлежит “не только фактам, но и образам”. По мнению А.К. Соколова, каждая эпоха запечатлевалась в определенных образах, которые легко понимаются и воспринимаются современниками и порой становятся объектами подражания и формирования стереотипов поведения. При этом в ткань художественного произведения “вплетены формы социального общения, языковые, изобразительные, звуковые”. Нередко реальность деформируется “в зависимости от художественных школ и направлений”. Задача историка как раз и состоит в том, чтобы “показать соответствие или несоответствие авторского восприятия историческим обстоятельствам”. Суть происходящего в исторической науке Соколов так же, как и Румянцева, видит в сближении позиций “современной социальной истории с литературой и искусством”. Обращение к художественным произведениям во многом позволит создать ту выразительную историю, потребность в которой становится все более очевидной. Пожалуй, единственной существующей серьезной проблемой является, по мнению Соколова, примирение “языка, вырабатываемого историей как наукой, с языком как художественным творчеством”. С данной точкой зрения не согласна Д.А. Завельская, которая в статье “Субъективность, способствующая объективности” считает, что эмоциональная субъективность литературного произведения (“художественного очерка”) не препятствует, а, напротив, способствует выходу на существенные и острые социальные проблемы. Динамизм же и экспрессивность обеспечивают многоплановость и выразительность информации. Художественность очерка как явление многоаспектное, многоуровневое дает возможность выделить в историческом документе типическое через особенное и одновременно зафиксировать характерные черты той или иной сферы жизни. А.И. Куприянов, С.С. Секиринский, Н.И. Цимбаев считают, что для историка “особенно информативными являются произведения писателей, заслуживших у своих современников репутацию знатоков, хроникеров, бытописателей разных сторон и явлений жизни русского общества”, отразивших в своих сочинениях детали семейных и имущественных отношений, нравов. При всем разнообразии позиций объединяет авторов названных публикаций их отношение к художественным произведениям. Литература в их представлении не некий иллюстративный материал, специфическое “отражение” действительности – все это в прошлом, – но один из системообразующих элементов мировоззрения, сочетающий рациональное и образное восприятие действительности [4, с.161-166].

Роль художественной литературы в воссоздании той или иной эпохи, в формировании представления о ней – вне сомнения. О том, насколько велика эта роль, замечательно сказал известный психолог А.А. Леонтьев, который считал, что, анализируя историческую динамику личности, психологи должны обращаться к художественной литературе, так как это, можно сказать, “единственный источник, позволяющий нам «проникнуть в душу» человека прошлых поколений, раскрыть именно особенности его личности, а не только систему значений, норм, установок человека той или иной эпохи” [5, с.43].

Эти суждения, по сути, применимы ко всем слоям российского общества, ко всем периодам его истории. Какие бы сюжеты из истории российского общества мы не взяли, к каким бы социальным группам не обратились, в качестве наглядной иллюстрации и весомого аргумента мы привлекаем художественную литературу.

Вторая половина XIX в. хорошо представлена материалом, рассыпанным по художественным произведениям и публицистическим очеркам, который может быть использован как исторический источник. В данной статье предпринята попытка сравнить, насколько совпадали образы, созданные художественной литературой второй половины XIX в., с архивными документами этой же поры. С этой целью произвольно взят лишь один сюжет из жизни пореформенного общества, а именно такое явление, как пьянство. Русская литература имеет множество описаний терзавшего народ пьянства. Один из наиболее выдающихся знатоков русской жизни **М. Горький** так описывал картину запоя: *“Вторую неделю хозяин пьет, – запой настиг его и неотступно мает. Он допился уже до того, что не может говорить и только рычит, глаза его выкатились, погасли и, должно быть, ничего не видят – ходит он прямо, как слепой. Весь опух, посинел, точно утопленник, уши у него выросли, оттопырились, губа отвисла и обнаженные зубы кажутся лишними на его и без них страшном лице”* [6, с.331].

А потом был “синдром похмелья”, как его описал **Г. Успенский** во “Власти земли”: *“На широкий двор вышел крестьянин Иван Петров, по прозвищу «Босых». ...Ленивою, почти болезненною поступью подошел он к куче кое-как наваленных в углу двора поленьев, которые Иван взялся расколоть на дрова...”*. Но вместо того, чтобы приняться за работу, Иван *“принялся обеими руками крепко-накрепко царапать свою голову, потом, нахлобучив шапку на голову, потолкал кучу поленьев ногой, обутой в рваный валенный сапог, и... стал разминать плечи...”*. Иван находится в самом мучительном состоянии: он болен “со вчерашнего”, он вчера крепко выпил и *“если сегодня он появился около дров, то уже поздний час прихода на работу, когда люди собираются обедать, означает только желание выпросить рубль серебра на опохмелье”*. И точно, пишет Успенский, поколотив кулаками поясницу и между лопатками, он полез за махоркой и потом, растирая ее на ладони, уныло поплелся в кухню. *“Здесь он долгое время будет разговаривать о своем расстройстве, о том... как лечить такую-то и такую-то болезнь, как ловить барсуков, как прививать яблоню”*, и в конце концов, не имея сил более сопротивляться мучительному недугу похмелья, скажет: *«Нет, видно, ноне я не человек», – и пойдет просить рубль серебра, говоря, что у него внутри жжет и дерет, ест и сосет и что «очувствовавшись, он придет завтра до свету и все переделает с одного маху»* [7, с.464,465].

Понедельник, как тонко подметил Г. Успенский в другом своем рассказе, для рабочего люда был “невыносимым”. Ибо в этот день вся “мастеровщина” города *“не имела сил ударить палец об палец, утверждая, что в этот день работают только «лядкины дети», а все настоящие люди рыщут целый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмелиться”* [8, с.55,56]. Пьянство было присуще не только крестьянам, работным людям, но и чиновникам. Тот же Г. Успенский об одном из своих героев-чиновников писал, что он *“каким-то чудом избежал пьянства и поэтому никак не мог заводить знакомства с чиновниками, так как вся жизнь провинциальной чиновничьей мелкоты держится на выпивании, похмелье и опять выпивании”* (чудом же этим, как оказалось, была любовь к курам, к бойцовским петухам, кулачным боям и т.д.) [9, с.124].

“Сивушная реформа”, как ее назвал **М.Е. Салтыков-Щедрин**, *“каждую деревню наградила кабаком”* и “голытьба” массой потянулась в кабак, *“как будто она сразу хотела вознаградить себя за долгий искус лишения продукта, который, ввиду ее одичалости, представлял для нее громадный соблазн. Но сверх того ей необходимо было забыться, угореть...”*. О необходимости “забыться” писал и маркиз **де Кюстин**: *“Величайшее удовольствие русских – пьянство, другими словами – забвение. Несчастные люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми”* [10, с.239].

Пьянство было самым доступным средством уйти от действительности. “Нет меры хмелю русскому”, – писал **Н.А. Некрасов** и дальше объяснял, почему же этой меры нет: *“А горе наше меряли?/Работе мера есть?/Вино валит крестьянина, /А горе не валит его?/Работа не валит?/Мужик беды не меряет, /Со всякою справляется, /Какая ни приди. /Мужик, трудясь, не думает, /Что силы надорвет,/Так не уж ли над чаркою /Задуматься, что с лишнего /В канаву угодишь?”*

Некрасов не только объясняет, но и оправдывает народное пьянство: “А что глядеть зазорно вам, Как пьяные валяются, /Так погляди, поди, /Как из болота волоком /Крестьяне сено мокрое, /Скосивши волокут: /Где не пробраться лошади, /Где и без ноши пешему /Опасно перейти...”

Да после такой работы, восклицает Некрасов, “У каждого крестьянина /Душа, что туча черная – /Гневна, грозна – и надо бы /Громам греметь оттудова, /Кровавым лить дождям, /А все вином кончается. /Пошла по жилам чарочка – /И рассмеялась добрая /Крестьянская душа!” [11, с.47,48].

Эту любопытную черту русских подметил и де Кюстин: “Но вот что характеризует добродушие русского народа: напившись, мужики становятся чувствительными и вместо того, чтобы угощать друг друга тумаками, по обычаю наших пьяниц, они плачут и целуются” [10, с.239].

Если европеец пил для пищеварения (крепкие напитки только малыми дозами после сытной трапезы), то русский – для умопомрачения – стаканами, натошак, чтобы забыть невзгоды реальные или вымышленные. Произвол помещика и капризы природы были теми причинами, которые излюбленной мечтой крестьянина делали свободу, свободу абсолютную, свободу безответственную. Это идеальное состояние крестьянин называл волей. Воля означала полную необузданность, право на буйство, гулянку, поджог. Воля в представлении крестьянина была совершенно разрушительным понятием, актом мести по отношению к силам, которые извечно его терзали. **В.Г. Белинский**, усомнившийся в осуществлении дворянской мечты о демократической России, писал, что “в понятии нашего народа свобода есть воля, а воля – озорничество”. И не в парламент пошел бы освобожденный русский мужик, “а в кабак побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян, которые бреют бороду и ходят в сюртуках, а не в зипунах” [12, с.53].

Да, реальных невзгод было у крестьянина море. Это правда. Но и мнимых было великое множество. Успенский приводит разговор все с тем же Иваном Петровым, по кличке Босый. В дни, когда его не мучил запой, это был золотой работник. И вот в один из таких периодов просветления Успенский спросил его:

— Скажи, пожалуйста, Иван, отчего ты пьянствуешь?

— Иван вздыхает глубоким вздохом и с сокрушением произносит почти шепотом:

— Так избаловался, так избаловался... и не знаю даже, что и думать – не глядел бы на свет...

— Да отчего же это, скажи, пожалуйста?

— Отчего? Да оттого, что...воля! Вот отчего...своеволие!

Так что прав был неистовый Виссарион Григорьевич: не в парламент пошел освобожденный русский мужик, а в кабак.

— При покойнике тятеньке, – продолжает Иван, бывало, капли в рот не брал. Убьет, если узнает... Да и после тятеньки, когда уже оженился, своим хозяйством стал жить, и то позволял себе – когда угостят, да на праздниках, да иной раз со скуки – стаканчик. Ну а уж, как стала мне воля, стало мне, значит, раздолье, стал я вроде последней свиньи... [7, с.467].

Таким образом, делает вывод Успенский, оказывается, что “воля, свобода, легкое житье, обилие денег”, то есть все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет ему, напротив, “крайнее расстройство до того, что он делается вроде последней свиньи”.

А дальше проблему “свинства” продолжает **А.П. Чехов**. “То, что происходило в деревне, – писал он в рассказе “Мужики”, – казалось ей (речь идет об одной из героинь рассказа. – А.Л.) отвратительным и мучило ее. На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покров в Жукове был приходской праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественных денег и потом еще со всех дворов собирали на водку... Кирьян все три дня был страшно пьян, пропил все, даже шапку и сапоги, и так бил Марью, что ее отливали водой. А потом всем было стыдно и тошно” [13, с.306,307]. После всего вышеизложенного вопрос **Андрея Белого**: “Россия, куда мне бежать от голода, мора и пьянства?” – не кажется простым риторическим обращением [14, с.262].

Россияне пили водку нерегулярно и не небольшими дозами, а чередовали периоды полного воздержания с дикими запоями. Пили и были уверены: “Нам подобает пить!” Ибо того и гляди “придет печаль великая”, как “перестанем пить”, а пьянство – чего его бояться, вот “работа не свалила бы, беда не одолела бы”, а уж “хмель не одолит!” А потому и принималось сразу несколько стаканов, чтобы как можно скорее впасть в пьяное забытие. Считалось, что традиционный запой длился три дня: в первый выпивали, во второй напивались, в третий опохмелялись.

В декабре 1908 г. **Александр Блок** написал статью “Стихия и культура”, где привел выдержки из письма крестьянина к нему: “*Наружно вид нашей губернии крайне мирный, пьяный по праздникам и голодный по будням. Пьянство растет не по дням, а по часам, пьют мужики, нередко бабы и подростки. Казенки процветают, яко храмы, а хлеба своего в большинстве хватает немного дольше Покрова...*” [15, с.403]. Он как бы вторил словам замечательного русского писателя **Сергея Николаевича Терпигорева**, блестяще изобразившего пореформенное общество и писавшего тридцатью годами ранее в очерке “В степи”: “*Есть в Тамбовской губернии деревня Кочетовка, – вся она состоит из сорока дворов, а в ней два кабака. Двадцать дворов, значит, содержат кабак. Бедна Кочетовка до невероятности. Из сорока дворов только в восьми хватает хлеба до нового, остальные живут в полном смысле слова изо дня в день кое-как. Но я никогда не встречал такого пьянства, как в Кочетовке. Пьют решительно все, и старые, и малые, и все равно – в праздник ли, в будни ли...*” [16, с.9].

Пили мужчины и пили женщины, пили молодые и старики. **В. Сосюра** писал в “Третьей роте” о пьянстве деда: “*Дідусь часто випивав, і тоді він ставав буйним. Жахливо лаявся з бабусею і дітьми, з мамою – теж. На мене ці сварки діяли, як грози без грому... Вони безперервними блискавицями палили мою душу... Це було часто*”; писал и о пьянстве отца: “*Колись ми гарно жили, але батько дуже любив горілку, – і ми стали жити погано. Мати вічно бігала за ним, щоб він не пропив грошей, – і ми росли, як трава, в бруді й сонці – вічно голодні й немиті. Обдерті, ми покотом спали на своїй одежі, у сні мочилися на ній і жили, як мавпи. Вночі приходив вічно п'яний батько, і хату заливав горілчаній дух, і плач, і лайки матері... А батько в тумані алкоголю не бачив нічого...*” [17, с.267,303].

О степени народного пьянства красноречиво свидетельствуют архивные документы. В нашем распоряжении есть решения, так называемые “приговоры”, волостного суда Веселянской волости Таврической губернии за семь лет: с 1864 по 1870 год (Государственный архив Запорожской области. Фонд Веселянского волостного правления 97, дела 48, 70, 77). За семь лет этим судом было проведено 38 заседаний и вынесен 51 приговор, из которых большая половина была связана с крестьянским пьянством.

Так, 14 февраля 1865 г. волостная расправа слушала предложение веселянского сельского старосты Якова Жука “*о предании суду расправы веселянского крестьянина Федора Мальчижи и жены его Стефаниды за преданность их к постоянному пьянству и расточительству своего хозяйства*” [18, д.70, л.9об.]. Через год, 11 февраля, волостной суд снова возвращается к вопросу, теперь уже по предложению полицейского сотского, о пьянстве “*преданной к постоянному пьянству*” Степаниды Мальчижиной [18, д.70, л.21].

Пили зимой, когда маялись от безделья, пили и в другое время года. Так, 30 апреля 1867 г. веселянский сборщик податей Никита Васильченко предлагал отдать под суд веселянского крестьянина Михаила Третьяка за тем же обвинением: “*за предание его пьянству и расточительству своего хозяйства*”. Суду, как было указано в приговоре, о пьянстве Третьяка известно; известно, “*что Третьяк часто пьянствует и чрез это несвоевременно уплачивает казенные подати и другие повинности*” [18, д.70, л.30-30об.]. 9 мая того же 1865 г., также по предложению сельского старосты Якова Жука, суд рассмотрел вопрос “*о предании волостному суду веселянского крестьянина Василия Земляного за преданность его к пьянству и расточительству своего хозяйства*” [18, д.70, л.11об.].

В этот же день рассматривалось дело, события которого разворачивались таким образом: сельский староста Яков Жук и добросовестный Кузьма Ткач зашли в “*питейного заведения, чтобы взять и отвлечь от пьянства крестьянина Василия Земляного*”. В это время “*в числе прочих в том же заведении распивал горячее вино служащий в Веселянской графа Канкрин*

экономии из крестьян кузнец Никанор Семенов”, который, наверное, то ли из дружеских чувств, то ли из чувства солидарности, решил заступиться за Земляного “и не давал Земляного, ударил один раз по щеке добросовестного Козьму Ткача”. “А посему суд, находя Никанора Семенова виновным в том, что напился до такого безумия, и, веря во всем старосте Жуку и добросовестному Ткачу, определил крестьянина Семенова подвергнуть денежному оштрафованию в пользу волости в 3 руб. серебром, на что он сам добровольно согласился” [18, д.70, л.12].

С пьянством были связаны и совсем комические ситуации. Так, 17 января 1866 г. суд рассматривал дело, суть которого состояла в том, что в ночь с 21 на 22 декабря 1865 г., когда волостного старшины не было в волости, так как он поехал в город Мелитополь “по делам вверенной ему волости”, крестьянин городка Григорьевки Пантелеймон Диденко “неизвестно с какого повода среди глухой ночи зашел в волостное правление, когда все находившиеся в правлении: староста Жук, добросовестный Черный, писарь Фисай и сторожа Терентий Кабанец, Федот Бондаренко и Сергей Бондаренко уже спали, забрался на печь и лег спать. Когда же означенными лицами был разбужен и спрошен, то показал, что он зашел, не знает, как и для чего, ибо был до беспамьятства пьян”. Когда же беднягу посадили в холодную, то он, “разоривши двери оной, самовольно ушел”. Интересен приговор суда по этому делу: “Суд заключает: 1. Крестьянину Диденку, будучи в молодых летах, не следовало бы напиваться до такого безумия, а также заходить без надобности в таком виде среди глухой ночи в волостное правление. 2. Если крестьянин Диденко был посажен в холодную, пока сойдутся старики, то не следовало бы ему ломать двери оной и уйти самовольно и 3. Если не вникнуть в положение настоящего дела и упустить что-либо из виду, то, наверное, и другие крестьяне вздумают повторить поступки Диденка”. А потому суд “определил крестьянина Диденка в пример прочим подвергнуть денежному оштрафованию в пользу волости в три рубля” [18, д.70, л.20-20об.].

Так что трижды был прав Виссарион Григорьевич: не в парламент пошел освобожденный русский мужик, а в кабак. Но, может быть, так было лишь после освобождения. А потом... да и потом мало что изменилось в крестьянской жизни. Показателен протокол Веселянского волостного суда от 29 декабря 1895 г. Судом была выслушана словесная жалоба “крестьянина деревни Хитровка Григория Григорьева Кирюхи”, который жаловался “на своего родного отца, что он часто бывает пьян и этим разоряет хозяйство, часто бунтуется, разгоняет и бьет свое семейство, об этом уже было заявлено хитровскому старосте, который тоже уже наказывал, но и это ничего не помогает, и из-за таких поступков уже отца один сын бросил, да и нам всем нет житья” [18, д.609, л.1].

Таким образом, как видим, исторические документы звучат в унисон художественным произведениям. Но если документы архива констатируют факт: да, народ пил, – то художественная литература пытается объяснить, почему он это делал. Как писал В.В. Кабанов, “художественная литература как никакой другой источник может показать образ мышления людей разных поколений, разных социальных слоев, их представления о социальных ориентациях и идеалах, личном счастье, моральных и материальных ценностях, характере связей различных людей, стиль взаимоотношений, поведения и т.д.” [19, 339-340].

Последние десятилетия знаменовались кризисной ситуацией, сложившейся в отечественной исторической науке. Отсюда – споры о методологии, социальной и индивидуальной ценности литературного источника, которые знаменуют преодоление кризисной ситуации в отечественной науке. Все это в определенной мере меняет подходы к разного рода источникам, в том числе и к художественной литературе. При некоторых различиях в предмете изучения, тематике, специальных вопросах их объединяет общечеловеческое измерение минувшего. Человеку всегда будет интересен именно человек, его судьба, мысли, побудительные мотивы, поступки, действия, меняющиеся во времени и пространстве.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
2. История России XIX-XX веков: новые источники понимания. – М., 2001.

3. Отечественная история. – 2002. – №1. – С. 3-146.
4. Зверев В.В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 161-166.
5. Леонтьев А.А. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. – М., 1981. – № 3. – С. 35-44.
6. Горький М. Хозяин // Собрание сочинений: В 18 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – Т. 7. – С. 271-350.
7. Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 381-493.
8. Успенский Г.И. Дела и знакомства // Нравы Растеряевой улицы: Очерки. – М.: Детская литература, 1973. – С. 52-81.
9. Успенский Г.И. Жизнь и “ндрав” Толоконникова // Нравы Растеряевой улицы: Очерки. – М.: Детская литература, 1973. – С. 122-129.
10. Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Изд. Политической литературы, 1990. – 352 с.
11. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Полное собрание стихотворений: В 3 т. – Л.: Советский писатель, 1967. – Т. 3. – С. 7-245.
12. Белинский В.Г. Письмо к Д.И. Иванову // Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 9. – С. 46-60.
13. Чехов А.П. Мужики // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 9. – С. 281-312.
14. Белый А. Русь // Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 262.
15. Блок А. Стихия и культура // Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 396-405.
16. Цит. по: Илешин Б. Замечательный писатель Черноземья // Терпигорев С.Н. Избранное. – Тамбов: Тамбовское книжное издательство, 1958. – С. 3-14.
17. Сосюра В.М. Третя Рота. Вибрані твори: В 2 т. – К., 2000. – Т. 2.
18. Государственный архив Запорожской области. – Ф.97. – Оп.1.
19. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. – М., 1997.

М.М. АНТОЩАК

ВНЕСОК М.О. КОРФА У РОЗВИТОК БІБЛІОТЕЧНОЇ СПРАВИ

Сучасна історична наука покликана дослідити та висвітлити діяльність, творчу спадщину тих видатних діячів минулого, які залишили помітний слід у духовному розвитку України. Особливо це стосується осіб, творчий доробок яких ще недостатньо вивчений у радянській та українській історіографії. Серед них слід назвати М.О. Корфа, видатного педагога, публіциста, земського діяча XIX ст., громадсько-просвітницька, публіцистична діяльність якого є недостатньо висвітленою ще й на сьогодні.

Стаття, присвячена одній із сторін громадської діяльності барона Корфа, а саме його внеску в розвиток бібліотечної справи в Олександрівському, Маріупольському повітах Катеринославської губернії та Бердянському повіту Таврійської губернії, покликана певною мірою заповнити прогалину в українській історіографії.

Тема внеску М. Корфа в розвиток бібліотечної справи на півдні України не знайшла комплексного відображення в сучасній історіографії. Але в контексті досліджень І. Пухи, В. Морозюка ця сторона діяльності барона згадується як помітний внесок у розвиток шкільної справи, освіти народу загалом.

Найголовнішою справою всього життя М.О. Корфа була організація та діяльність земських народних шкіл. Особливого розвитку вона набула в другій половині XIX ст.

Практичну ж земську діяльність М. Корф почав у 1866 р. як гласний Олександрівського повітового земства Катеринославської губернії. Зосередивши свої зусилля на організації, відкритті та діяльності початкових сільських шкіл, Микола Олександрович зіткнувся з проблемою